

Когда Лу Цинцзю покидал деревню Шуйфу, он дал Инь Сюню обещание: он обязательно вернётся. Вернётся, чтобы снова встретиться. Весной они будут искать колючие дикie ягоды, летом – затевать водные битвы у ручья, осенью – собирать тучные колосья, а на сэкономленные монетки махнуть в город, чтобы вдоволь наиграться в тот самый, давний, игровой автомат, по которому оба тосковали все эти годы.

Однако, уехав в город, Лу Цинцзю больше не возвращался в деревню Шуйфу. Он помнил товарища своих детских забав, но огромное расстояние превратило их ребячьи обещания в невыполнимую мечту. Много лет спустя, уже повзрослев, он изредка навещал в Шуйфу свою бабушку. Но с той последней встречи прошла вечность, и между ним и Инь Сюнем неминуемо выросла незримая стена. Разумеется, теперь они оба были не теми мальчишками, что готовы были трястись два часа на автобусе, сжимая в потных ладонях самые ценные игровые монетки, лишь бы зависнуть в аркаде на десять минут. Лу Цинцзю забыл об этом, а Инь Сюнь никогда не вспоминал. С годами детские воспоминания покрылись густой пылью и становились всё призрачнее.

Позже деревня Шуйфу стала для Лу Цинцзю местом печали. Его родители поехали туда навестить родню и погибли под чудовищным оползнем. Даже тел найти не удалось. Шокированный и опустошённый, Лу Цинцзю в спешке вернулся назад.

«Цинцзю, ты вернулся», — сказал ему Инь Сюнь.

«Вернулся», — ответил Лу Цинцзю.

«И снова уедешь?» — спросил Инь Сюнь.

«Уеду. Хочу поставить их могилы там, где они жили, — выдохнул Лу Цинцзю. — Да и университет нужно закончить...»

Смысл был ясен: он не останется в Шуйфу. Инь Сюнь ничего не сказал в ответ, лишь шагнул вперёд и крепко обнял старого друга. «Ничего, — прошептал он. — Не переживай. Пока что-то будет нужно в деревне – я помогу».

Инь Сюнь сдержал слово.

Ошеломлённый внезапной потерей обоих родителей, Лу Цинцзю пребывал в страшном состоянии. Вся тяжесть поисков взял на себя Инь Сюнь. Ливень не прекращался. Закутанный в плащ, он координировал работу спасателей, до деталей описывая каждый склон, указывая места, где ещё могла теплиться надежда.

Тела родителей Лу Цинцзю Инь Сюнь не нашёл, но отыскал их дорожную сумку. Именно её Лу Цинцзю и захоронил позже в пустой могиле.

Вскоре умерла и бабушка Лу Цинцзю. После похорон он уехал из деревни Шуйфу и не возвращался много лет. Здесь он потерял всех, кого по-настоящему любил.

Лишь спустя долгое время, по стечению обстоятельств, судьба вновь привела его сюда, где нити его жизни и жизни Инь Сюня переплелись вновь.

Обдумав всё, Лу Цинцзю отправился на пикапе в город.

Там, где раньше шумела аркада, теперь был магазин одежды. Это было ожидаемо. Теперь у каждого в кармане – целый мир в электронных устройствах, и старые аркады с их треском кнопок и звоном монет стали анахронизмом. Да и лицензии у той никогда не было.

В детстве аркада считалась пристанищем для «плохих» ребят. Из-за занавески у входа доносились грохот, треск, яростные крики и вздохи. Монета была жизнью; потеряв её – можно было начать снова. Лу Цинцзю играл хуже Инь Сюня, и его «убивали» мгновенно. Инь Сюнь всегда делился с ним несколькими заветными монетками, чтобы товарищ мог задержаться подольше.

Лу Цинцзю сунул руку в карман и ощутил шершавую грань монеты. Глубоко вздохнув, он достал телефон и вновь набрал номер Инь Сюня. Абонент был недоступен. Наверное, он уже выключил телефон.

Не найдя Инь Сюня, Лу Цинцзю в подавленном настроении вернулся домой.

Готовя ужин, он размышлял: если бы тогда он сразу поговорил с Инь Сюнем и сказал, что ему всё равно, человек тот или нет, может, Инь Сюнь и не сбежал бы. Он давно чувствовал в друге нечто странное, но думал: раз Инь Сюнь молчит – не стоит лезть. Теперь это казалось ошибкой... А если бы он настоял на ответах? Но было бы это справедливо по отношению к Инь Сюню, не желавшему открываться?

Погрузившись в мысли, Лу Цинцзю отвлёкся. Нож для овощей соскользнул и вонзился в палец. Алая кровь мгновенно заструилась, впитываясь в деревянную разделочную доску.

«М-м...» — Лу Цинцзю замер, сквозь зубы втягивая воздух от боли. Он приложил слишком много силы, почти отсек половину ногтя. Он развернулся и вышел из кухни в поисках аптечки.

Сидевший во дворе Бай Юэху издали уловил запах крови. Подойдя, он увидел хмурого Лу Цинцзю, пытающегося одной рукой намотать бинт на искалеченный палец. Бай Юэху ничего не сказал, просто остановил его руку. «Не торопись перевязывать. Сначала промой».

«Пустяк, всего лишь порез», — безучастно пробормотал Лу Цинцзю.

«Подожди, я принесу мазь», — сказал Бай Юэху.

Лу Цинцзю кивнул.

Вернувшись с мазью, Бай Юэху увидел, что Лу Цинцзю, опустив руку, в оцепенении смотрит куда-то в сторону ворот. Рана всё ещё сочилась кровью. Приглядевшись, Бай Юэху понял, что порез очень глубок – была видна кость. В пальцах – множество сосудов и нервов. Если не обработать как следует, можно его потерять. К счастью, мазь была особой, она должна была заживить всё за пару дней.

«О чём ты думал, взяв в руки нож? — спросил Бай Юэху, помогая промыть рану. — Больно?»

«Нет, — ответил Лу Цинцзю. — Я думал о том, где сейчас Инь Сюнь. Он несколько дней не появляется. Он всё ещё человек? Ему нужно есть? Он голоден?»

Бай Юэху поднял на него взгляд.

Лу Цинцзю вздохнул: «Эх... не стоило мне тогда отпускать его».

«Не готовь ужин», — сказал Бай Юэху.

Лу Цинцзю посмотрел на руку. Бай Юэху перевязал её, кровь остановилась, острой боли не было. Пошевелив пальцами, он решил продолжить. Бай Юэху хотел возразить, но Лу Цинцзю уже упрямо вернулся на кухню. Постояв у двери с тёмным выражением лица, Бай Юэху развернулся и ушёл. Но на этот раз он не улёгся в своё кресло-качалку, а вышел за ворота.

Так или иначе, Лу Цинцзю закончил готовку. Он заметил, что Бай Юэху тоже исчез. Подождав немного, решил начать один.

Аппетита не было. Не только из-за духоты, но и из-за груза неразрешённых вопросов, давивших на плечи. Лу Цинцзю нехотя проглотил несколько кусочков, отложил палочки и медленно вышел во двор, опустившись в эксклюзивное кресло-качалку Бай Юэху.

Кач-кач, кач-кач, к бабушкиному мосту, бабушка говорит, ты хороший малыш...

[«Рок-н-ролл до бабушкиного моста» — это одна из кантонских детских песен, написанная гном Вэяном на основе кантонских детских рифм. Эта мелодия красива, а лирика переполнена теплом. Детские песни с темой «Рок-н-ролл до бабушкиного моста» имеют множество версий, в основном, на мандаринском языке, и эта версия является одной из самых любимых песен для детей и родителей. <https://youtu.be/XJlI3jrfl-o>]

Покачиваясь, Лу Цинцзю вспомнил отрывки детства. До девяти лет вся его жизнь была в Шуйфу. Он знал здесь каждый цветок, каждый куст, каждую травинку. Но потом он уехал надолго, и воспоминания стёрлись, стали расплывчатыми.

Было невыносимо жарко. Внезапно ему пришла в голову мысль. Он вышел со двора и пошёл по узкой деревенской тропинке.

Даже спустя десятилетия деревня Шуйфу почти не изменилась. Те же низкие старые дома, каждый клочок земли у дороги засажен овощами, изредка попадались резвящиеся дворовые псы.

Сам не заметив как, Лу Цинцзю дошёл до края деревни. Там стояла тяжёлая каменная мельница. На её крыше всё ещё лежало немного забытого зерна.

Лу Цинцзю остановился рядом.

Он отлично помнил эту мельницу. В детстве они с Инь Сюнем обожали на неё забираться. Если ловила бабушка – попадало обоим. Она говорила, что мельница – для еды, а не для игр. Но чем строже был запрет, тем сильнее манила высота. Они были малы, как ростки бобов, и взбираться на грубые камни было целым подвигом.

Уголки губ Лу Цинцзю дрогнули в улыбке: вот они, два сорванца, строят коварные планы по покорению каменного великана. Сначала Инь Сюнь присаживался, подставляя плечо, Лу Цинцзю карабкался наверх, а затем изо всех сил тянул за собой друга. Так две маленькие обезьянки оказывались на вершине. Иногда их снимали сердитые взрослые и вели домой для внушения.

Вспомнив это, Лу Цинцзю улыбнулся шире. Он просунул палец в знакомое отверстие в камне мельницы, нащупывая шероховатые края. Ему показалось, что размер этой выемки ему что-то напоминает.

Лу Цинцзю задумался, затем вытащил из кармана ту самую игровую монету и осторожно вложил её в отверстие мельницы.

С глухим звоном монетка идеально встала на место и провалилась внутрь. В тот же миг где-то вдали прокатился раскат грома. Лу Цинцзю поднял голову: солнце уже скрылось за толстой пеленой чёрных туч. Дождя ещё не было, но ветер поднялся неистовый, слепящий, заставляя зажмуриться и часто моргать, чтобы слезы смыли налетевшую пыль.

Когда Лу Цинцзю вновь открыл глаза, перед ним возникло улыбающееся лицо. Глаза того были лукаво прищурены, а из-за приоткрытых губ выглядывал очаровательный тигриный зуб.

«Инь Сюнь!!!» — выкрикнув его имя, Лу Цинцзю рванулся к стоявшему напротив человеку и вцепился в его рукав. — Куда ты, чёрт побери, подевался? Я тебя повсюду искал!»

«А... я просто вышел по одному делу», — Инь Сюнь почесал затылок, делая виноватое лицо.

«Что? — Лу Цинцзю ни капли не поверил оправданиям. Он схватил Инь Сюня за запястье и потащил обратно в дом. — Я-то знаю, что ты не человек! И тебе нечего беспокоиться, я не против. И скажу больше — Бай Юэху тоже не человек. Я единственный нормальный человек в нашем доме...»

Выражение лица Инь Сюня начало беспорядочно меняться.

Опасаясь, что тот ему не верит, Лу Цинцзю пояснил: «Бай Юэху — лисий дух. Я уже видел его хвост. Белый, пушистый, на ощупь просто замечательный».

Лицо Инь Сюня исказилось: «Что ты сказал?»

«Я сказал, он лисий дух... А что?» — спросил Лу Цинцзю.

«Ничего, — выдавил Инь Сюнь. — Так, спросил...»

Лу Цинцзю, не отпуская рукава, продолжал: «Куда ты ходил? Ладно, не важно. Если захочешь рассказать — расскажешь, нет — так нет. Ты же несколько дней не ел, наверняка проголодался. Я ужин приготовил... Быстро пошли со мной, поешь». Он тараторил, словно ворчливая мать, наконец отыскавшая сбежавшего ребёнка.

Всю обратную дорогу Инь Сюнь молчал. Лишь у ворот во двор он тихо спросил: «Ты правда не против?»

«Против чего?» — переспросил Лу Цинцзю.

«Что я не человек», — прошептал Инь Сюнь.

«А что в этом такого? Ты же не собираешься мне вредить, — спокойно ответил Лу Цинцзю. — О, да, я же забыл тебе сказать про наш пикап».

«А что с ним?» — Инь Сюнь насторожился.

«Он — слизняк, — Лу Цинцзю открыл ужасную правду. — Кажется, у тебя на них небольшая аллергия...»

Услышав слово «слизняк», Инь Сюнь скривился. «Слизняк? Тот самый слизняк, о котором я думаю?»

Лу Цинцзю: «Да, тот самый».

«Чёрт, и на этой штуке можно ездить? Я же говорил, у меня от него всё чешется!.. — Инь Сюнь представил себе облик слизняка, содрогнулся и со слезами на глазах заявил: — Отныне я ни ногой в пикап твоей семьи!»

Возмущённый таким пренебрежением к милому семейному транспорту, Лу Цинцзю воскликнул: «Ты с ума сошёл? Не сядешь в пикап – пешком в город пойдёшь? Ты сколько лет уже как умер, мог бы и повзрослеть хоть немного!»

Инь Сюнь: «...» Спорить с такой логикой он действительно не мог.

Обратно они добрались в шумном споре. Бай Юэху ещё не вернулся, и обеспокоенный Лу Цинцзю настоял, чтобы Инь Сюнь поел.

Тот голодал несколько дней. Всё, что он пытался приготовить сам, было несъедобным – одного укуса хватало, чтобы обеспечить приступ диареи. К счастью, есть ему было необязательно, иначе он вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня.

Лу Цинцзю наблюдал, как Инь Сюнь ест, и его взгляд был полон отеческой нежности, от чего у того по коже побежали мурашки. «Цинцзю...» — слабо позвал он.

«Глупый мальчик, ешь больше, — сказал Лу Цинцзю. — Ты же столько настрадался в последние годы».

Инь Сюнь: «...»

«Давай, бери куриную ножку, — продолжил Лу Цинцзю, — чего уставился? Ешь».

Инь Сюнь сглотнул, слегка сожалея о своём решении исчезнуть на несколько дней. Он так и не придумал, как объясниться с другом, боялся, что тот его не примет, потому и решил переждать. Но не прошло и пары дней, как явился Бай Юэху с мрачным лицом и приказал возвращаться домой, иначе съест на месте.

С Бай Юэху шутки были плохи, и Инь Сюнь поспешил вернуться.

Обычно куриные ножки были исключительно прерогативой Бай Юэху. Сегодня одна оказалась в его чашке. Инь Сюнь задумался: не награда ли это за благополучное разрешение кризиса?

Но едва он взял ножку палочками, как ощутил на спине ледяной взгляд. Рука задрожала, и ножка упала обратно в чашу.

«Юэху, ты вернулся, — Лу Цинцзю посмотрел на Бай Юэху, возникшего в дверях. — Иди сюда, я нашёл Инь Сюня».

Бай Юэху молча подошёл и сел напротив Инь Сюня. Его взгляд упал на большую, тушёную, лоснящуюся от соуса куриную ножку в чашке гостя. Очень аппетитную... С трудом сдержавшись, чтобы не переломить палочки, Бай Юэху посмотрел на сияющего Лу Цинцзю, затем на всё более бледного Инь Сюня и выдавил: «Ешь».

Инь Сюнь: «...» Что, чёрт возьми, он ест - куриную ножку или последний ужин?

«Ешь», — мягко подбодрил сидевший рядом Лу Цинцзю.

Под пристальными взглядами обоих Инь Сюнь со слезами на глазах откусил кусочек. Проглатывая, он чувствовал, как Бай Юэху впивается в него взглядом. Казалось, он кусает не курицу, а собственную ногу...

«Юэху, тебе тоже надо поесть, там ещё есть, — вмешательство Лу Цинцзю отвлекло внимание Бай Юэху. — Ешьте быстрее, вы оба, наверное, голодные».

Только тогда Бай Юэху отвел пристальный взгляд и принялся за свою ножку.

Это был самый страшный ужин в жизни Инь Сюня с момента возвращения Лу Цинцзю. Закончив, он был мокрым от пота. Лу Цинцзю даже удивился: «И мёртвые потеют?»

«Я не совсем обычный мёртвый, — отложив палочки, начал объяснять Инь Сюнь. — Моя смерть не зарегистрирована местными властями».

«Тогда кто же ты?» — спросил Лу Цинцзю.

Инь Сюнь: «Это долгая история... В год, когда Пангу* создал вселенную...»

[Создатель мира в китайской мифологии.]

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху холодно бросил: «Говори человеческим языком».

Инь Сюнь сразу перешёл к сути: «Простите. Я утонул в десять лет».

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху: «...»

«Не надо, если не хочешь - не рассказывай, — у Лу Цинцзю уже развилась отцовская любовь размером с гору к этому многострадальному другу детства. — Я понимаю горечь в твоём сердце. Давай я ещё раз всех представлю. Это Бай Юэху, лисий дух. Он, как и ты, не человек. Это Сяо Хуа и Сяо Хэй — духи-звери, данканы. Это Су Си - он тоже лис...»

Инь Сюнь: «...»

Лу Цинцзю: «Так что можешь расслабиться. То, что ты мёртвый, здесь обычное дело, для нас это не важно».

Стало ясно, что самый странный в этом доме - сам хозяин, Лу Цинцзю...

Подумав об этом, Инь Сюнь прослезился и обнял друга. Лу Цинцзю погладил его по голове и сказал дрогнувшим голосом: «Сюнь-эр. Ах, как же ты страдал... С этого момента я о тебе позабочусь».

Бай Юэху с отвращением наблюдал за этой сценой и даже отложил палочки.

Инь Сюнь, которого обнимали как ребенка, внезапно обрёл дурно приобретённую смелость и спросил: «А... господин Бай... он правда лис?»

Лу Цинцзю отпустил его и посмотрел на Бай Юэху: «Ты сомневаешься?»

Тот холодно взглянул на Инь Сюня: «Да. А кем же ещё?» — С этими словами за его спиной возникли девять огромных, прекрасных белых хвостов. Челюсть Инь Сюня отвисла.

Лу Цинцзю бесстыдно встал позади Бай Юэху и принялся гладить его хвосты: «Вот видишь, как я и говорил - Бай Юэху лисий дух. А хвосты у него просто загляденье». Под его ладонью взгляд Бай Юэху смягчился, а глаза сузились в улыбке.

Инь Сюнь наблюдал со стороны. Когда хвосты материализовались, его глаза чуть не вылезли из орбит. Пальцы дёрнулись. Конечно, у него не было дерзости Лу Цинцзю, он не посмел бы протянуть руку... даже если это и вправду были хвосты Бай Юэху, что всё ещё было спорно.

Лу Цинцзю, глядя хвост, был счастлив. Бай Юэху блаженно прищурился. Картина вышла на редкость гармоничной, если бы не Инь Сюнь, тихо отодвигавшийся к двери.

Закончив с подтверждением личности лисьего духа, Лу Цинцзю внимательно посмотрел на Инь Сюня и мягко сказал: «Ты, наверное, не выспался за эти дни, иди раньше отдохни. Завтра не забудь на завтрак».

Инь Сюнь закусил губу, явно колеблясь, наконец собрался с духом: «Ты хочешь услышать, что со мной случилось?»

Лу Цинцзю кивнул. Конечно, хотел. Но если Инь Сюнь не готов – не станет принуждать. У каждого есть прошлое, в которое лучше не лезть. Ради собственного любопытства ковыряться в чужих ранах он не будет.

«Если я расскажу, ты не разлюбишь меня? — голос Инь Сюня стал тихим и приглушённым. — Хорошо?»

«Я не буду тебя недолюбливать. — Лу Цинцзю на мгновение замолчал, опасаясь, что Инь Сюнь придаст его словам излишний вес, и поспешил привести пример: — Возьми, к примеру, наш семейный пикап. Я же знаю, что он слизьяк, но разве я перестал его любить?»

Услышав слово «слизьяк», Инь Сюнь вздрогнул: «...Неужели нельзя было подобрать другого сравнения?» — Он до жути боялся этих мягкотелых тварей. Даже после смерти этот страх ничуть не уменьшился.

Лу Цинцзю лишь беззаботно пожал плечами, изобразив на лице самую невинную улыбку.

«Вы можете продолжать ваш душевный разговор, — равнодушно произнес Бай Юэху, — а мне пора». С этими словами он поднялся и вышел, оставив Лу Цинцзю наедине с Инь Сюнем.

«Пойдём во двор, — предложил Лу Цинцзю. — Вино из моего винограда уже почти готово. Если хочешь, выпьем по чуть-чуть».

«Нет, спасибо», — рассмеялся Инь Сюнь. Лу Цинцзю оставался таким же мягким и спокойным, каким он его помнил, и это тепло развеяло его нервное напряжение. Примет ли Лу Цинцзю этого, по сути, уже мёртвого человека или нет – Инь Сюнь ни на мгновение не пожалел о том, что когда-то подружился с ним.

Они вышли во двор и уселись под сенью лунного света. Инь Сюнь помолчал несколько мгновений, прежде чем заговорить: «Ты ещё помнишь историю о том ребёнке, что утонул в горах у деревни Шуйфу?»

«Помню». — Эта история глубоко засела в памяти Лу Цинцзю, ведь когда-то он и сам столкнулся с подобным, поднимаясь в горы с Чжу Мяомяо.

«Этот ребёнок был не кем-то неизвестным, — медленно, выговаривая каждое слово, произнёс Инь Сюнь шокирующую правду. — Этим ребёнком был я».

Лицо Лу Цинцзю застыло: «Но... как? Ты же сейчас здесь, передо мной? И вся деревня знает, что ты существуешь».

Выражение лица Инь Сюня стало странным, отрешённым: «Да. Причина, по которой я могу общаться с людьми и всё ещё пребываю в мире живых, кроется в том, что случилось после... после того происшествия».

<http://bllate.org/book/15722/1506647>